

Волшебные кони Бартабаса

Как и два года назад, во время Всемирной театральной олимпиады, в Коломенском, на берегу Москвы-реки раскинул свой черный четырехрогий шатер конный театр из Франции с загадочным названием «Зингаро».

Основатель и художественный руководитель этого уникального театра, носящий в миру очень простое имя Клеман Марти, а на арене - звучное и таинственное Бартабас, сегодня на V Московском международном фестивале им. А. П. Чехова показывает свою мировую премьеру «Кони ветра» («Lougta»).

- В основе моего нынешнего спектакля, - рассказывает Бартабас, - культура Тибета - философия, жизнь, обычаи, ритуалы монахов, живущих на границе Индии и Китая. Четыре дня я добирался до монастыря Гьютто, откуда пригласил группу монахов в свою постановку. Пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить настоятелю монастыря, что такое театр «Зингаро» и зачем мне нужны монахи для нового спектакля. Мы долго говорили с ним обо всем и ни о чем, казалось бы, конкретно, но он обещал мне подумать. А на другой день дал согласие. И вот теперь, на протяжении трех лет, что будет играть наш спектакль, эти люди в желто-бордовых одеждах с низкими голосами буйволов наравне с другими моими артистами станут частью «Зингаро». Меня привлекают их ученость и простота. Чем они старше, тем больше похожи на детей. Самому старшему из них 72 года. Из них 50 лет он провел в монастыре. Наш спектакль сродни мистерии, в нем нет ритуалов в чистом виде, но пение и музыка (барабаны и колокольчики) сопровождают и пронизывают все происходящее на арене.

...Как и два года назад, под черным рогатым шатром таинственный полумрак и разлитый в воздухе пряный аромат восточных благовоний. В двух поднятых над зрительскими рядами ложах - бритоголовые монахи в своих оранжевых одеждах с музыкальными инструментами. Арену накрывает огромный купол, на который проецируются очертания гор. На протяжении представления купол несколько раз поднимается вверх и снова опускается, становится прозрачным и подсвечивается изнутри. В рассеянном свете кони под куполом, предоставленные самим себе, без сопровождения людей, кажутся призрачным, ирреальным видением. Но они ведут себя совершенно осмысленно, удивительным образом общаясь между собой, подчиняясь ведущему их инстинкту.

Инстинкт - ключ в работе Бартабаса со своими актерами, будь то люди или лошади.

- Я работаю, слушаясь своего инстинкта, - говорит Бартабас.

- Этому меня научили лошади. Они подчиняются инстинкту. Если мне сразу понравилась лошадь, я ее беру, еще не зная, что буду с ней делать. А оцениваю ее уже на площадке и тогда решаю, какую роль ей дать. Так же и с людьми: нравится человек - беру его. Техника - дело вторичное. Главное - увидеть в человеке желание отдавать, дарить себя другим. А с лошадьми - научиться слышать лошадь. Каким-то чудом лошади запоминают музыку даже лучше, чем люди. И живут в ритмах музыки, подчиняются ей.

В свободном табунке прекрасных палевых коней я углядела небольшого вороного конька. Именно ему подчинялся табун: зорко следил за каждым его движением, даже поворотом головы, и тут же, как по команде, перестраивался, группировался, расходился парами. Это была фантастика.

- Есть ли, по-вашему, душа у лошади? - спросили Бартабаса на пресс-конференции.

- Ученые уже выявили и даже взвесили душу человека, - ответил волшебник Бартабас, - так почему не быть душе у живого существа? Лошади не могут разговаривать, но мне важно добиться взаимоотношения человека и лошади и лошадей между собой. Это требует большой работы, но это достижимо.

Свой новый спектакль Бартабас наполнил множеством ярких, впечатляющих моментов: предельно красочные, живописные, но и пугающие маски добрых и злых горных духов, замедленные, тягучие пляски монахов в пыш-

ных юбках, джигитовка «гуттаперчевых» всадников, сольный номер девушки на очаровательном, трогательном ишачке и, конечно же, явления «одинокого всадника» - самого Бартабаса, прямого, неподвижного на гарцующих под ним красавцах конях. Его рука с зажатými в ней поводьями свободно лежит на лошадиной шее, а конь сам, под-

чиняясь только музыке, виртуозно танцует под седоком. А ближе к финалу представления на арене появляется еще и белоснежная стая гусей, предоставляемая белой наездницей на белой лошади. И гуси, тоже словно разумные существа, то вытягиваются цепочкой, поспешая за всадницей, то плотной стайкой кружат по арене, движутся клином, меняют направления, не сбиваясь с музыкального ритма, будто и впрямь подчиняясь звучащей мелодии. Зрелище, вызывающее восторг публики.

И все-таки нельзя не признать, что прошлый спектакль Бартабаса - «Триптих» на музыку И. Стравинского и П. Булеза - был значительно интереснее, ярче, динамичней. Низкое горловое пение монахов, сопровождающее нынешнее представление, медленное, тягучее и однообразное, утомляет и даже действует на нервы. Не случайно отдельные зрители стали покидать шاپито уже минут через двадцать после начала спектакля. Да и целостной картины жизни Тибета разрозненные фрагменты не составили. «Этот спектакль не для европейского восприятия», - услышала я в толпе на выходе по окончании представления. С этим, пожалуй, нельзя не согласиться. Как, впрочем, нельзя забывать и того, что художника следует судить по законам, им самим над собой поставленным. Кстати, Бартабас очень доверяет российской публике. И страну нашу знает не только по гастролям в 2001 году. В 1995-м он снимал в Якутии художественный фильм «Шаман», а в 92-м - ленту «Мазепа». И вообще, как он сам говорит: «Я - частый гость в Москве». Так что будем надеяться увидеть еще не одну премьеру театра «Зингаро». А знаете, откуда пришло это название конного театра? Так звали любимую лошадь режиссера, с которой он проработал целых 17 лет. Ее имя он увековечил в названии своего театра. А может, и впрямь душа Зингаро продолжает жить на красно-то-рыжей арене волшебного театра Бартабаса.

Наталия БАЛАШОВА.

На снимке: сцена из спектакля.

Моск. правда - 2003 - 7 июня - с. 7